

• Глава 1 •

Автокатастрофу, разделившую мою жизнь на до и после, я помню смутно.

Устав после занятий балетом, я дремала на переднем сиденье, как вдруг сквозь сон услышала папин голос. Он орал такие слова, которые я если и слышала, то точно не от него, и даже не подозревала, что он их знает.

Распахнув в изумлении глаза, хотела спросить, что случилось, и увидела практически перед собственным носом заслонивший весь мир бампер грузовика.

Дальше темнота.

Когда очнулась в больнице, одним из первых посетителей оказался следователь. От него я узнала, что водитель-дальнобойщик — как это, увы, довольно часто бывает — заснул за рулем.

Нам просто не повезло.

Особенно не повезло моему отцу и дальнобойщику — оба скончались на месте.

Я отделалась ушибами, ссадинами и сотрясением мозга. Большую часть ссадин получила, когда меня горелкой вырезали из искореженной машины. Отец в последнюю секунду успел вернуть руль, подставляя водительское сиденье под удар и закрывая меня собой.

Только после следователя ко мне в палату допустили семью. Мама — стройная, статная женщина, которую всегда принимали за мою старшую сестру, — за эти два дня поседела, осунулась и выглядела даже старше реального возраста. Четырнадцатилетний брат тоже как-то повзрослел и как взрослый мужик поддерживал мать под руку — ее шатало.

— Доченька, как же это...

Мама мешком осела на постель рядом со мной и разрыдалась. Мои щеки давно уже жгло — ссадины на лице от слез горели даже под бинтами. Брат обошел постель и присел с другой стороны.

— Катька, ты держись, — тихо пробормотал он. — Главное, ты живая и здоровая. Прорвемся.

Я благодарно стиснула пальцы Ромы. Сама я себя здоровой и живой не чувствовала. Болело все, в основном душа. Не верилось, что папы больше нет.

Меня продержали в больнице неделю. За это время папины коллеги успели благополучно переписать на себя его долю в бизнесе. Мама в прострации подписывала все не глядя, а брат ходил в школу и следить за ней двадцать четыре часа в сутки не мог. Да и кому пришлось бы в голову следить за взрослой, вроде бы разумной женщиной?

Когда я наконец-то попала домой, у нас не осталось практически ничего. Личный счет отца и квартира, ипотеку за которую он, по счастью, уже выплатил в прошлом году.

Все.

Моя счастливая, сытая и размеренная жизнь закончилась.

Началось выживание.

С мечтой учиться на врача пришлось распрощаться еще до того, как я определилась со специализацией. Заначка, оставленная папой, таяла на глазах, от маминой преподавательской деятельности прибыли не было от слова «совсем», скорее, одни убытки. А еще младший брат требовал покушать, желательно три-четыре раза в день.

Закончив за полгода курсы терапевтического массажа, я пошла в салон подрабатывать. Не в тот салон, где натурой берут, а в нормальный косметический салон. Антицеллюлитные процедуры, обертывания, массаж лица я постигала уже там, на месте. С наставницей мне повезло — Лидия Ивановна полжизни проработала врачом-косметологом в Первой кремлевской поликлинике, ушла под сокращение, когда на пенсию пора было. Ну а у нас разве на пенсию проживешь? Вот и нашла себе подработку возле дома.

Платил салон хорошо, постоянные клиентки, не сумевшие втиснуться в плотное расписание, периодически просились неофициально, на дом. Свою спальню я оборудовала под массажный кабинет, поставила профессиональное кресло-лежанку, набрала аппаратуры. Все окупилось уже через несколько месяцев.

И все было бы почти хорошо, если бы не проклятые сны.

Когда я в первый раз увидела принцессу, не вспомню. В какой-то момент стало ясно, что обычные сны с полетами над городом и сферическими конями в пальто остались в прошлом, до аварии.

Теперь по ночам я вселялась в тело младенца.

Новорожденные спят помногу. Поначалу меня это не напрягло: ну, всякая ересь людям снится — почему бы и не видеть себя во сне в роскошной спальне замка, обставленной под восемнадцатый век? Не худший вариант.

Со мной во сне постоянно находилась одна женщина, как я поняла, кормилица. Иногда приходили мужчина и другая женщина в расшитых золотом и драгоценными камнями одеждах. Натуральные король и королева. Почему-то они грустнели, глядя на меня-принцессу, а женщина иногда плакала.

Несмотря на это, я даже немного возгордилась. Ни много ни мало, а я целая принцесса во сне!

Младенец рос, спать стал меньше, и у меня начались проблемы.

Во-первых, других снов я по-прежнему не видела. Смотреть всю ночь напролет, как я ору и писаю в пеленки, не имея возможности даже повлиять на происходящее, откровенно начинало меня нервировать.

Во-вторых, у меня получалось бодрствовать, только когда принцесса спала. То есть часов восемь-десять в день. И еще час-другой ночью. Сутки в моем сне были устроены наоборот: когда в реальном мире наступало утро, там заходило солнце. Это уже не просто на нервы действовало. Я на самом деле забеспокоилась о своем психическом здоровье.

Походы к психиатру не помогли. Диагноз он мне поставить затруднялся, но таблетки прописал. Я их через несколько недель выбросила. Эффект они нужный давали — сны как отрезало. Но и высыпаться я перестала: поутру вставала, будто мешки с цементом всю ночь грузила, а днем сама себе напоминала несвежего зомби. И жила в прежнем режиме, то есть изменений особо никаких, одни побочные эффекты.

Лучше уж смотреть, как мне пеленки меняют, честное слово.

Незаметно пролетел год, и я поняла, почему король и королева так грустнеют, глядя на меня. Пришла пора ребенку, то есть мне-во сне, научиться ползать и ходить, только вот не получалось. Левая сторона тела практически не работала. Ручка прижималась к груди в полусогнутом состоянии, ножка тоже скрючилась и не слушалась принцессу. Даже глаз левый видел чуть хуже, хотя, возможно, мне это всего лишь казалось: он все время был полуприкрыт.

Поиск в интернете, я поставила своему сну диагноз — детский церебральный паралич. Не в самой тяжелой форме, но для того времени, что я наблюдаю, — конец восемнадцатого, начало девятнадцатого века — практически неизлечимое явление. Методику Бобата-Войта изобретут только в середине двадцатого —

принцессе она еще не поможет. Не говоря уже о хирургических вмешательствах.

Ко мне иногда заходил местный врач. Солидный пузатый дядька с пышными пушистыми усами мне не понравился сразу. Он даже не осматривал толком ребенка — поводил надо мной руками, пробормотал что-то себе под нос и отрицательно покачал головой.

Королева, присутствовавшая при осмотре, снова зарыдала. Усач выдал ей успокоительное, передал меня кормилице и был таков.

Нужно отдать должное родителям принцессы: попыток они не оставили. В комнате принцессы перебивало не меньше дюжины докторов. Все они сначала водили, а потом разводили руками. Иногда я чувствовала некое покалывание, как проходящий сквозь тело слабый разряд статического электричества. Раза два на периферии зрения во время осмотра вокруг меня возникало золотистое свечение.

Так я впервые столкнулась с магией.

И она перед ДЦП оказалась бессильна.

Но я же собиралась в свое время учиться на врача и клятву Гиппократу успела вызубрить наизусть. Как ни бредово казалось пытаться вылечить собственное воображение, я решила попробовать.

Чтобы помочь принцессе из сна, мне сначала нужно было научиться управлять ее телом. Контролировать сновидения я умела с детства, только вот этот сон был каким-то неправильным. И тело ребенка мне не подчинялось категорически, занятое своими важными делами: какало, орало и пыталось переворачиваться.

Из-за проблем с моторикой — безуспешно.

Я пробовала и так и эдак: в разное время суток, когда принцесса ела, отдыхала или увлеченно играла кубиками. Сидеть у нее с грехом пополам получалось, хоть она и заваливалась все время на левый бок.

Однажды я попробовала завладеть телом сразу после моего засыпания и ее пробуждения. И это наконец-то сработало!

Когда у меня получилось пошевелить воображаемыми пальцами, я даже рассмеялась от облегчения. Про себя, разумеется. Дальше пошло легче. Делать самой себе расслабляющий массаж и тянуть зажатые сухожилия гимнастикой было не очень сподручно, но альтернативы не было. К явному удивлению окружающих — в особенности того неприятного усатого врача, оказавшегося штатным дворцовым целителем, — принцесса вскоре поползла, а к трем годам и встала на ножки. Прихрамывала, конечно, и шаталась, когда левую коленку сводило спазмом, но

упрямо продолжала тренироваться. Я теперь не всегда вмешивалась — у принцессы и собственной упертости хватало с избытком.

Под влиянием снов я даже пошла на заочные курсы. Хоть на полноценного врача, как мечтала, у меня выучиться не получилось, но диплом физиотерапевта я за пять лет получила. Практики мне недоставало за неимением времени, но разные методики я освоила. И традиционные — вроде лечебной физкультуры и массажа, и не очень — типа иглоукалывания. Многие вещи стали для меня настоящим открытием, в особенности когда я прошла курс повышения квалификации по теме китайской народной медицины. Это же сколько точек только на одном ухе, отвечающих за разные органы!

Колоть саму себя я во сне, конечно, не стала. Так, для общего развития изучала. Очень оказалась интересная профессия, и для массажного салона пригодилось. Теперь я разнообразила услуги, добавив акупунктуру и расслабляющие процедуры по индийскому образцу.

Воняло, правда, потом очень сильно по всей квартире. Мама ругалась, так что часто я такие услуги не оказывала. Только когда ее не было дома.

Да, я так и осталась жить с мамой. Брат в двадцать три обзавелся семьей и съехал, но иногда появлялся, скидывал на нас дочерей-погодок. Образование он моими стараниями и нервами получил приличное, работал на не последней должности в одном столичном банке и неплохо зарабатывал.

У меня же как-то с личной жизнью не заладилось. Отношения серьезные были. Целых полгода. Мы подумывали съехаться, но постепенно до него дошло, что я не притворяюсь сонной большую часть дня, а на самом деле сплю две трети суток. Он ушел, обозвав меня на прощание психованной сомнамбулой, а я поставила крест на мужчинах.

Изредка заводила отношения, ненадолго, чисто для здоровья, чтоб там все мхом не заросло. Дольше месяца старалась не затягивать, а то начинала привязываться, что было чревато плачевными последствиями для хрупкого девичьего сердца.

А потом у меня во сне обнаружилась сестра.

* * *

Когда я подросла и меня-во-сне начали выпускать из комнат — погулять за ручку с кормилицей и няньками в саду, например, иногда нам на пути встречалась такая же процессия из четырех взрослых и ребенка — девочки моего возраста.

Только она была абсолютно здорова.

Меня поспешно оттаскивали в сторону, чуть ли не пряча за спинами нянек, и с поклоном пропускали ту, другую, девочку. Сестра оказалась моей практически точной копией, если не брать в расчет цвет: у нее на щеках полыхал здоровый румянец, а волосы искрились медово-янтарным золотом — с моей вечно бледной кожей и пепельно-белыми волосами я казалась рядом с этой девочкой альбиносом.

Она шествовала гордо и плавно, как и положено принцессе, и я особенно остро чувствовала собственную ущербность.

Или принцесса чувствовала, а я с ней за компанию? Я-то сама прекрасно знала, насколько целеустремленна и сильна духом та, в чьем теле я спала, и что ей совершенно нечего стыдиться и нет повода комплексовать. Она в фактически безвыходной ситуации спасает себя сама и заслуживает только уважения.

И любви.

Ни того, ни другого бедняжка не видела. Через пару лет, когда уже никто не сомневался, что принцесса навсегда останется инвалидом, королевская чета стала приходить все реже. К шести годам девочка стала практически затворницей. Ее общение ограничивалось нянками и преданной кормилицей, которая, похоже, единственная хоть как-то поддерживала и любила девочку.

Как будто этого было мало, вскоре после седьмого дня рождения принцессу ждал сюрприз...

Переезд в пансион.

Ей даже не сообщили заранее. Просто однажды утром она проснулась, а ее вещи уже собраны. Не так уж много их было, тех вещей. Немногочисленные наряды взять с собой не разрешили — в пансионе будет форменное платье. Тем же утром плачущая навзрыд кормилица проводила принцессу к карете, которая увезла девочку в новую, еще более суровую жизнь.

Ее и еще десять малышей того же возраста привезли в пансион Святой Елены первого августа. Это был официальный день набора нового класса. На ближайшие двенадцать лет эта холодная усадьба при монастыре станет их домом. Покидать территорию, обнесенную высоким решетчатым забором, воспитанницам категорически запрещалось. Официально — потому что за ее пределами жизнь полна опасностей и злых людей. Подразумевалось — чтобы не сбежали.

Хорошо хоть, сад при пансионе оказался довольно обширным, в пять-шесть гектаров, или, как здесь говорили, десять акров.

Вообще, мир принцессы мне сильно напоминал викторианскую Англию. Только с магией.

Кроме здания со спальнями учениц и залами для занятий, на территории располагались также птичник и коровник с тремя молочными буренками — иногда девочкам перепало свежее молоко, но далеко не каждый день. Всего в пансионе одновременно проживало около ста учениц, так что обеспечить их всех едой — задача не из легких. Готовили две поварахи, а в помощницы им выделяли ежедневно трех девочек — по одной из каждой возрастной группы.

Первые четыре года обучения воспитанницы считались младшей группой, дальше четыре года средней и еще четыре — старшей. После окончания пансиона девочки могли пойти работать в зажиточные семьи гувернантками, учительницами в немногочисленные школы для девочек, компаньонками к юным леди, ну, и наконец — принять постриг и остаться в монастыре.

В сутках для меня самой, в реальной жизни, оставалось теперь всего лишь восемь часов. Режим в пансионе был жесткий: в десять спать, в шесть утра, практически с рассветом, подъем. Вот в эту треть суток мне и приходилось теперь укладываться.

Как ни странно, со временем я привыкла. Ко всему привыкает человек.

Я очень быстро начала жить сегодняшним днем, наслаждаться каждой секундой по полной. Немногие люди понимают, какая это роскошь: посвятить несколько минут любимому делу. У обычного человека минимум шестнадцать часов в запасе для его занятий, а в молодости, когда можно спать поменьше без ущерба для восприятия, так и все восемнадцать.

У меня было только восемь. Сюда нужно было впихнуть работу, родных, еду и хоть какую-то физическую активность, потому что лежать лежнем половину жизни не очень здорово.

Я предпочитала танцы. Балет забросила довольно быстро — не до него. Позанимавшись какое-то время художественной гимнастикой, и это дело тоже оставила. Не мое. Травмоопасно очень, тренировки лютые, да и времени, драгоценного времени много вато забирает.

Мне повезло. Буквально под моими окнами открыли танцевальную студию. Преподавали все стили и направления: от классических, вроде вальса и танго, через латину и рок-н-ролл до брейка и танца у пилона. Последний, кстати, от художественной гимнастики недалеко ушел, если тренер хороший попадет. Алла давала нагрузку от души: за час занятий форма промокала насквозь.

Зато после я чувствовала, что в самом деле живу.

А то, по правде, иногда я начинала сомневаться, где именно — реальность, а где — вымысел и сон. Будто в аварии я не погибла по чистой случайности и сейчас живу как бы взаимы, за чужой счет.

За счет той самой принцессы.

Забавно, но имя девочки, в теле которой сплю, я узнала только в монастыре. Придворные ее звали ваше высочество, а люди, которые ее могли бы звать по имени, вроде сестры или родителей, с ней не общались.

В пансионе же она стала просто одной из учениц. Катраона Махони, младшая группа.

Как ни странно, при монастыре принцессе жилось повеселее, чем во дворце. У нее даже подруга появилась. Не сразу, правда.

На третьем году обучения, помимо десяти девочек-семилеток, в пансион привезли одного переростка. Ей уже исполнилось десять, и, поскольку она оказалась достаточно образована, то есть уже умела читать, писать и считать до ста, ее определили в подходящий по возрасту класс, то есть в тот же, что и принцессу.

Калеку-хромоножку, как ласково называли ее монахини, другие девочки старались не замечать. Принцессу даже не дразнили — она просто не существовала для них.

Весь этот мир был буквально пропитан магией. Особенно правый берег реки Абхайн в столице.

Все аристократические семьи кичились тем, что даже свечи зажигают заклинанием. Тех, кто по прихоти генетики рождался без волшебной составляющей, ждала незавидная участь изгоев. Пустышки — так их мило называли — вычеркивались из родовых книг по достижении совершеннолетия... Если, конечно, до него доживали.

Еще лет двести назад многие аристократы, чтобы не портить себе репутацию, избавлялись от детей, лишенных магического дара. Времена изменились, законы ужесточились, так что теперь таких пустышек всего лишь оставляют в приютах. Обычно уже к трем-четырем годам становится понятно, на что способен ребенок.

Так что решение моих родителей сдать меня в пансион по нормам местной морали оправдано. Они и так тянули до последнего.

О том, что магия иногда просыпается позднее, мы с принцессой вычитали в монастырской библиотеке. Редко, но случается такой конфуз. Отсюда, собственно, и сильные маги, иногда рождавшиеся у простых людей. Их, конечно, выкупали у родителей

и усыновляли бездетные аристократы, но сам факт их появления говорил о многом.

Например, о том, что простолюдины и аристократы перемешаны родословными куда теснее, чем вторым хотелось бы признать. И о том, что о генетике и спящих признаках тут пока еще понятия не имеют.

Новая девочка оказалась тихой даже по меркам монастыря. Но, поскольку она не имела каких-то внешних проблем, бедняжка быстро стала объектом для издевательств сначала всей младшей группы, а потом — ведь паскудство заразно — и всего пансиона. На нее выливали чай за завтраком, суп в обед, помои на кухне. Подсовывали крапиву в обувь и хихикая смотрели, как несчастная плачет от боли. Надо отдать ей должное — она не жаловалась, терпеливо снося тычки и подсечки.

На исходе второй недели сентября новенькую затюкали окончательно. Я смотрела на происходящее глазами принцессы и понимала, что скоро у нас на руках будет суицидник.

В этот вечер я засыпала с твердым намерением вмешаться. То ли мой суровый настрой поборол сценарий сна, то ли принцесса отвлеклась, но, когда я заметила стайку девочек, что-то бурно обсуждавших за углом коровника, ноги мне подчинились. Вместо того чтобы скрыться в здании, я целенаправленно двинулась к несанкционированному собранию молодежи.

* * *

Где-то на полпути я почувствовала, что теряю контроль. До сборища оставалось еще шагов пять. Мне уже видно было сидящую на земле покорно склонившую голову новенькую. И я не стала дожидаться, когда ей все-таки выльют на голову очередное ведро помоев.

— Беги сюда! За мной! — повелительно рявкнула я и развернулась.

Испуганная принцесса драпанула со всех ног уже без моего участия. Мне только оставалось надеяться, что истязаемая девочка еще не совсем овощ и сообразит припустить следом.

Сообразила. За спиной раздался топот сначала одной пары ног, потом целой орды. Вдогонку неслись гневные возгласы — ученицам не понравилось, что их лишают развлечения, а со спины меня сразу не признали. Бежала я чуть прихрамывая, нога то и дело подворачивалась, и надолго бы принцессиних сил на этот спринт не хватило... На глаза очень удачно попались зарос-

ли у самого забора. Мы как раз завернули за угол здания, пропав на секунду из поля зрения преследователей.

Я снова перехватила управление телом и дернула девчонку за руку, ныряя в лопухи. Измажутся, конечно, в зелени, но зато их не побьют.

Стая хищных девиц пробежала мимо.

— Тебя как зовут? — прошептала я, приподняв голову из лопухов и оглядевшись.

Вроде не караулят, но лучше отсидеться, чтобы наверняка. Боец из меня сейчас никудышный, как, впрочем, и бегун. Вот в реальности я бы им показала, а во сне, увы, я по-прежнему жалкая дэцэпэшница.

— Хилли, — то ли прошептала, то ли всхлипнула девочка.

Я вгляделась в ее лицо.

Ее привезли недавно, что было не совсем обычно. В пансион принимали с шести-семи, и в основном в этом возрасте от таких, как мы, и избавлялись, а Хилли выглядела на возраст принцессы — лет на десять.

— А меня Катраона, — представилась уже принцесса.

Похоже, она совершенно не возражала против небольшого приключения. Страх в ней я не чувствовала — только возбуждение и азарт. И еще робкую радость от того, что с ней кто-то разговаривает, и не по делу. Соскучилась, бедняжка, по человеческому общению.

Я хотела снова приподняться из лопухов, чтобы проверить, чисто ли вокруг, но поняла, что принцесса уже владеет собственным телом. Интересно, она заметила, что я ею управляла? Или — как это иногда бывает — «сама не знаю, что на меня нашло, оно само получилось»?

Оглушительно заурчал желудок. Хорошо, что не на минуту раньше, а то выдал бы девчонок с головой. Хилли покраснела. Принцесса заговорщически улыбнулась.

— Пойдем со мной. У меня кое-что вкусенькое припасено.

На кухне принцесса дежурила чаще остальных. За провинности в пансионе полагаются наказания, а упасть посреди бального зала — еще какая провинность. И наставницу не интересует, что ногу свело привычной судорогой и вообще левая сторона слабее правой и требовать от нее стоять на цыпочках — натуральное издевательство. Главное факт. Упала — отработывай. Но поскольку нарушение не вопиющее — тогда ссылают убирать курятник или коровник, — то Катраону отправляли на кухню. Чистка картошки, нарезка овощей и прочие монотонные занятия вместо наказания

на самом деле помогали принцессе развивать мелкую моторику. Ну и пусть наставница считает, что отправить на отработку — ужас и позор для наказуемого. Катраоне там даже нравилось: помимо того, что можно съесть очистки с яблок, например, или запихнуть за щеку криво отрезанную полоску огурца — повариха со снисхождением и сочувствием относилась к ущербной девочке.

Происхождение учениц не афишировалось — подробности известны только настоятельнице. Для всех Катраона всего лишь безродная сирота, которую добрые богатые родственники построили в пансион. И повариха жалела бедную сиротку, оставляла ей в углу на подоконнике то булочку, то пирожок, а если вдруг выпечка подгорит, то и не один.

Как раз сегодня девочкам повезло: пригорел поднос с сырными полосками. Совсем черные, конечно, пошли в помойку, но обуглившихся только наполовину набралось штук пять. И все лежали в Катраоном углу.

Хилли быстро собрала все в чистый платок, завязав узлом в мешочек, и они поспешили укрыться в спальне принцессы.

— Почему тебя так поздно привезли? — выдала наконец принцесса мучивший нас обоих вопрос. — Обычно же лет в шесть сюда отправляют. Что-то случилось в семье? Извини, может, я лезу куда не надо...

— Ничего! От подруги у меня секретов нет. Мы же теперь подруги? — заискивающе заглянула принцессе в глаза новенькая.

Катраона радостно закивала.

— Мама снова вышла замуж, когда мне исполнилось восемь. — Хилли запихнула в рот сразу полполоски и пыталась теперь говорить, не плюясь в принцессу крошками. — С отчимом мы как-то сразу поладили. Он даже со мной проводил больше времени, чем с мамой. Один раз даже искупать меня предложил — моя няня не позволила. Говорит, неприлично. Мама как-то зашла ко мне в спальню, когда он читал мне сказку. Мы в кровати вместе лежали, под одеялом. Они потом долго ругались, и мама плакала... Потом меня отправили сюда. Я просила меня не отдавать, но мама настояла, что мне будет тут лучше. Неужели здесь и правда лучше, чем в доме, полным слуг, с мамой и папой? Мама, наверное, меня просто разлюбила.

— А отчим тоже хотел тебя сдать в пансион? Или только мама?

— Отчим был не в восторге, но мама его убедила, — пробормотала Хилли с набитым ртом.